

ЭРНЕСТ ХЕМИНГУЭЙ

О писательстве

Перевод с английского и предисловие А. СТАРЦЕВА

Рассказ «О писательстве» напечатан в вышедшем в 1972 году в Нью-Йорке посмертном сборнике Хемингуэя «Рассказы о Нике Адамсе». В этот сборник вошли все рассказы, в которых участвует автобиографический герой Хемингуэя Ник Адамс — сперва подросток на берегу Мичигана, потом солдат-доброволец в Европе в конце мировой войны 1914—1918 гг., израненный молодой ветеран, осознавший свое призвание писатель.

Эти рассказы писались Хемингуэем на протяжении 20-х годов, в разное время и вне какой-либо строгой последовательности. Он включал их в свои первые сборники «В наше время» (1925), «Мужчины без женщин» (1927), «Победитель не получает ничего» (1930).

В «Рассказах о Нике Адамсе» все эти рассказы собраны в «хронологический ряд», чтобы читатель мог проследить постепенное формирование героя. Составитель сборника американский литературовед Филип Янг, еще при жизни писателя начавший изучать его творчество в связи с его биографией, считает, что такая картина поможет сильнее почувствовать автобиографический аспект в творчестве Хемингуэя. Для полноты Янг включил в сборник восемь не публиковавшихся ранее рассказов, набросков, отрывков из архива Хемингуэя, принадлежащих к тому же циклу и связанных тем же центральным героем.

Замысел Янга страдает известной искусственностью. Некоторые из рассказов о Нике Адамсе (например, знаменитый рассказ «Убийцы») мало в чем соотносятся с остальными рассказами этого цикла и гораздо теснее связаны с другими произведениями Хемингуэя, где Ник Адамс совсем не присутствует.

Тем не менее сборник «Рассказы о Нике Адамсе» принадлежит к заметным явлениям хемингуэевской литературы последнего времени, остро ставит вопрос об автобиографических мотивах у Хемингуэя, в особенности же привлекает читателя новыми публикациями.

Рассказ «О писательстве», пожалуй, самый интересный из всех, опубликованных Янгом.

Это «внутренний монолог» — размышления молодого писателя о том, что составляло в разное время страсть его жизни и завершилось всепоглощающей страстью творчества.

Материал его размышлений большей частью известен читателю, знакомому с творчеством Хемингуэя. Картины американской природы и «таинство» рыболовства восходят к таким рассказам Хемингуэя, как «На Биг-Ривер». Коррида, имена замечательных матадоров, характерная атмосфера и терминология боя быков — к «Непобежденному» и «Смерти после полудня». Воспоминания об американских и английских

писателях, живших в 20-х годах в Париже, перекликаются со страницами позднейших мемуаров Хемингуэя «Праздник, который всегда с тобой». О важном влиянии живописи Сезанна на свой творческий метод Хемингуэй говорит в той же книге.

Все имена, даже вскользь упомянутые в рассказе,— это реальные лица, тесно связанные с Хемингуэем в разные годы его жизни. Так, например, Билл Смит — близкий приятель детских и юношеских лет Хемингуэя, а Сударыня — его тетка, которую так называли в семье. Из недоговоренных имен литераторов Шервуд — это Шервуд Андерсон (1876—1941), знаменитый американский писатель, оказавший влияние на молодого Хемингуэя; Эзра — Эзра Паунд (1885—1972), известный американский поэт; молодой Аш — Натан Аш (1902—1964), литературный сверстник Хемингуэя, дебют которого («Контора», 1925) он одобрял; Билл Бэрд — Уильям Бэрд, американский журналист и поэт, первый издатель Хемингуэя в его парижские годы. Раскрываются и все прочие имена.

Таким образом, автобиографичность рассказа не вызывает сомнений.

Вместе с тем многое, что говорит молодой писатель в рассказе о художественной недостаточности прямого автобиографизма в искусстве, проливает дополнительный свет на природу и функцию этих мотивов у самого Хемингуэя.

Сегодня они представляются нам сложнее, чем это казалось первым интерпретаторам творчества Хемингуэя, полагавшим, что рассказы о Нике Адамсе — готовые страницы биографии писателя.

«Ник из его рассказов не был он сам. Он его выдумал», — говорит молодой писатель в рассказе. Все, кто знает рассказ Хемингуэя «Индийский поселок», запомнят также слова Ника Адамса, что «никогда он, конечно, не видел, как индеанка рождает» и что этот рассказ был написан на основе других впечатлений.

Возможность таких «поправок» надо иметь в виду и читая рассказ «О писательстве». Потому, хотя многое в нем максимально приближено к личным высказываниям, не следует толковать его слишком прямолинейно, как монолог молодого Хемингуэя.

Рассказ «О писательстве» написан летом 1924 года. Ритмическая организованность прозы, лексические и синтаксические повторы весьма характерны для ранней манеры Хемингуэя. Писатель не готовил, как видно, рукопись для печати: некоторые мысли как бы оборваны, намеки до конца не раскрыты. При том «О писательстве» органически входит в круг рассказов молодого Хемингуэя и займет законное место в его литературном наследии.

Делалось жарче, солнце припекало ему затылок.

У Ника уже была славная рыбина. Много ему и не надо. Река становилась широкой и мелкой. По обоим берегам шли деревья. Деревья с левого берега отбрасывали предполуденные короткие тени. Ник знал, что в каждой теневой полосе сейчас прячется рыбина. Он и Билл Смит открыли это однажды в жаркий день на Блек-Ривер. Во второй половине дня, когда солнце начнет опускаться к холмам, форель уплывет в прохладную тень к той стороне реки.

Самые крупные лягут совсем близко к берегу. На Блек-Ривер они всегда их там находили. Они с Биллом Смитом вместе сделали это открытие. Когда солнце опустится к западу, форели уйдут в быстрину. И когда, перед тем как зайти, солнце сделает реку ослепительно яркой, форели будет полным-полно по всей быстрине. Удить тогда будет почти невозможно, поверхность воды будет слепить, как отраженный от зеркала солнечный зайчик. Можно, конечно, пойти вверх по течению, но здесь, как на Блек-Ривер, течение очень быстрое и, где поглубже, вода валит с ног. Удить против течения совсем не легкая штука, хотя во всех книжках написано, что это единственно верный способ.

Единственно верный способ. Сколько раз они с Биллом в то время смеялись над этими книжками. Все они начинаются с ложной посылки. Сравнение с охотой на лис. Парижский дантист Билла Бэрда любил говорить, что тот, кто удит на муху, состязается с рыбой в

сметливости. А Эзра ответил, что он всю жизнь так считал. Есть над чем посмеяться. Было много в те времена над чем посмеяться. В Штатах считали, что бой быков — это повод для шуток. Эзра считал, что рыбалка — повод для шуток. Многие люди считали, что поэзия — повод для шуток. И англичане — тоже повод для шуток.

Помнишь, они нас пихнули в Памплоне через барьер на быка, потому что приняли нас за французов? Биллов дантист так же судил о рыбалке. Дантист Билла Бэрда, конечно. Раньше Билл это был Билл Смит. А теперь это Билл Бэрд. И Билл Бэрд проживает в Париже.

Когда Ник женился, вся старая бражка ушла, и Джи, и Одгар, и Билл Смит. Ушли потому, он решил, что все трое не знали женщин. Ну, Джи-то, положим, знал. Нет, старая бражка ушла потому, что, женившись, он как бы сказал всем троим: есть что-то важнее рыбалки.

Ведь все создавал он сам. До начала их дружбы Билл не ходил на рыбалку. А потом они были вдвоем. На Блек-Ривер, на Стэрджен, Пайн-Барренс, на Аппер-Минни и на разных малых речушках. И почти все открытия они сделали вместе с Биллом. Работали вместе на ферме, вместе ловили рыбу и с июня до октября уходили надолго в лес. Только весна шла к концу, и Билл увольнялся с работы, и он увольнялся тоже. А Эзра считал, что рыбалка — повод для шуток.

Билл простил ему все рыбалки до начала их дружбы. И все реки тоже простил. Он гордился их дружбой. Это вроде как с девушкой. Она может простить все, что было с тобой до нее. Но после — дело иное.

Вот почему ушла старая бражка.

До того все они поженились с рыбалкой. А Эзра считал, что рыбалка — повод для шуток. Почти все так считали. Он сам был женат на рыбалке, до того как женился на Элен. Всерьез был женат. И тут совсем не до шуток.

Старая бражка ушла. Элен думала — потому, что она им не нравится.

Ник сел в тени на валун и привесил мешок так, что его повело в глубину. Вода, бурля, обтекала валун с обеих сторон. Нику было прохладно. Ниже деревьев берег реки был песчаным. По песку шли следы норки.

Хорошо посидеть в холодке. Камень был сухой и прохладный, Ник сидел, и вода стекала с сапог по краям валуна.

Элен думала — потому, что она им не нравится. В самом деле так думала. Уф, вспомнил он, как это казалось ужасно, когда люди женились. Теперь и подумать смешно. Наверно, он чувствовал так потому, что водился со старшими, закоренелыми холостяками.

Одгар хотел непременно жениться на Кэйт. Но Кэйт не хотела вообще выходить замуж. Они постоянно спорили, и Одгар хотел жениться только на Кэйт, и Кэйт не желала знать никого, кроме Одгара. Но она говорила, что лучше всего, если она и Одгар останутся просто друзьями. И Одгар тоже хотел, чтобы они оставались друзьями, и они постоянно ссорились, и были оба несчастны, стараясь остаться друзьями.

Должно быть, это Сударыня внушила им их аскетизм. И Джи был затронут тем же, хотя он бывал в Кливленде в веселых домах и водился там с девушками. И Ник был затронут тем же. И все это было ложным. Вам внушают ложное чувство, потом вы к нему приспособливаетесь.

А любовь вы всю отдаете рыбалке и лету.

И эта любовь была для него всем на свете. Он любил копать с Биллом картошку в осеннюю пору, долго ехать в машине, удить рыбу в заливе, лежать в гамаке с книгой в жаркие дни, уплывать далеко от пристани, играть в бейсбольной команде в Шарлевуа и в Петоски, оставаться гостить у них в Бэе; ему нравилось все, что стряпала им Сударыня, нравилось ее обращение с прислугой; он любил есть в столовой, глядя в окно на огромный клин поля, упиравшийся в озеро, любил толковать с Сударыней, выпивать с отцом Билла, уезжать от них на рыбалку, просто слоняться кругом.

Он любил это долгое лето. И его хватала тоска, когда первого августа ему вдруг открывалось, что еще только месяц — и ловля форели кончится. И сейчас это чувство порой посещает его во сне. Ему снится, что лето прошло, а он не ходил на рыбалку. И его хватает во сне такая тоска, словно он пробудился в тюрьме.

Холмы у южного берега Уоллунского озера, моторка на озере в штормовую погоду, а ты с зонтиком на корме бережешь от воды двигатель; или помпой работаешь; или гонишь моторку в большую волну, развозишь заказчикам овощи, вверх и вниз, волна за тобой; или везешь бакалею с южного берега озера — чикагские газеты и почта укутаны в парусину, и ты еще сядешь на них, чтобы надежней укрыть от дождя; такая волна, что трудно стать у причала, сушишься у костра, ветер свищет в верхушках деревьев, и, когда ты босой бежишь принести молока, под ногами — сырая хвоя. Встаешь на рассвете, на веслах идешь через озеро, а потом — на попутной машине, поудить в Хортонс-Крике после дождя.

Хортонс-Крику дождик на пользу. А Шульц-Крику всегда во вред. Поднимается муть со дна, и вода разливается по прибрежному лугу. Интересно, куда же уходит форель?

Вот в то время и был этот случай. Бык погнал его через изгородь, и он потерял кошелек со всеми крючками.

Если бы он тогда знал о быках все, что знает теперь. Где Маэра, где Альгабено? Августовская фиеста в Валенсии, Сантандер и бесславная коррида в Сан-Себастьяне. Санчес Мехиас и его шесть убитых быков. А ходячие фразы из корридных газет так и лезли ему на язык — и он бросил совсем их читать. Коррида в Миурсе. Хотя *raso natural*¹ там было совсем никудышным. Цвет Андалусии. Чикелин эль Камелиста. Хуан Террамото. Бельмонте Вуэльве.

Малыш, брат Маэры, теперь уже матадор. Вот так оно и идет.

Целый год все его душевные силы уходили на бой быков. Чинк — расстроенный, бледный из-за лошадей на арене. А Дон — тот ничуть не расстроился, сказал: «В ту минуту я понял, что полюблю бой быков». Наверно, тогда был Маэра. Маэра был лучшим из всех. И Чинк понимал это. И пошел за ним следом в *encierra*².

Он, Ник, был другом Маэры, и Маэра помахал им рукой из семьдесят седьмой ложи над их *sobrerueta*³, обождал, пока Элен заметит его, а потом замахал снова, и Элен боготворила его, и в их ложе были еще три пикадора, и другие пикадоры работали прямо внизу под их ложей и махали им всякий раз, когда приступали к работе и когда кончали ее, и он сказал тогда Элен, что пикадоры работают друг для друга, и это была правда. И чище той пикадорской работы он в жизни не видывал, и три пикадора в их ложе в кордовских шляпах кивали при каждом удачном *vara*⁴, и пикадоры внизу

¹ Одна из главных боевых поз матадора (*исп.*).

² Корраль, где держат быков (*исп.*).

³ Места над выходом на арену (*исп.*).

⁴ Укол пикадорской пикой (*исп.*).

на арене махали в ответ, продолжая свою работу. Это было совсем как в тот раз, когда португальцы приехали и старикан-пикадор швырнул на арену шляпу и прямо повис на барьере, уставившись на молодого Да Вейгу. Грустнее этого зрелища он в жизни не видывал. *Saballero en plaza*¹, мечта толстяка пикадора. Этот мальчик Да Вейга умел держаться в седле. Было на что поглядеть. Но в кино это не получилось.

Кино все загубило. Это вроде того, как болтать о чем-то действительно важном. Даже войну они сделали ненастоящей. Слишком много болтали.

Болтать всегда плохо. Еще плохо описывать то, что действительно с вами случилось.

Губит наверняка.

Чтобы вышло толково, надо писать о том, что вы сами придумали, сами создали. И получится правда. Когда он писал «Моего старика», он ни разу не видел, как жокей разбивается насмерть, и ровно через неделю разбился Жорж Парфреман на том самом скачке и в точности как в рассказе. Все толковое, что ему удалось написать, он выдумал сам. Ничего из этого не было. Правда, было другое. Может статься, что лучше. Никто из его родных так ничего и не понял. Считали, что все, что он пишет, он сам пережил.

В том же и слабость Джойса. Дедалус в «Улиссе» — сам Джойс, и получается плохо. Романтика, всякое умствование. А Блума он выдумал, и Блум замечателен. Миссис Блум он выдумал тоже. И это настоящее чудо.

То же и с Маком. Работает слишком близко к натуре. Впечатления надо переплавлять и создавать людей заново. Впрочем, у Мака есть кое-что за душой.

Ник из его рассказов не был он сам. Он его выдумал. Никогда он, конечно, не видел, как индеанка рожает. Потому получилось толково. И никто об этом не знает. А видел он женщину, рожавшую на дороге, когда ехал на Карагеч, и постарался помочь ей. Вот как оно было.

Если бы только всегда удавалось писать именно так. Будет время, это исполнится. Он хотел стать великим писателем. Он почти был уверен, что станет великим писателем. По-всякому это чувствовал. Станет назло всем помехам. Это будет совсем не легко.

Нелегко стать великим писателем, если вы влюблены в окружающий мир, и в жизнь, и в разных людей. И любите столько различных мест в этом мире. Вы здоровы, и вам хорошо, и вы любите повеселиться, в самом деле, какого черта!

Ему работалось лучше всего, когда Элен была нездоровая. Самая чуточка разногласий и ссоры. А бывало и так, что он не мог не писать. И вовсе не чувство долга. Независимо, как перистальтика. А после иной раз казалось, что теперь у него никогда ничего не получится. Но проходило какое-то время, и он чувствовал снова: чуть раньше, чуть позже он напишет хороший рассказ.

И это давало большую радость, чем все остальное. Вот почему он садился писать. Он не так представлял это раньше. Вовсе не чувство долга. Просто огромное наслаждение. Это пронзало сильнее, чем все остальное. И вдобавок писать хорошо было дьявольски трудно.

Ведь всегда есть так много штучек.

Писать со штучками было совсем легко. Все писали со штучками. Джойс выдумал сотни совсем новых штучек. Но от того, что они

¹ Конный матадор (исп.).

были новыми, они не делались лучше. Все равно в свое время они становились захватанными.

А он хотел сделать словом то, что Сезанн делал кистью.

Сезанн начинал со штучек. Потом все порушил и стал писать настоящее. Это было неслыханно трудно. Сезанн — из самых великих. Великих навеки. Это не было обожествлением Сезанна. Ник хотел написать пейзаж, чтобы он был весь тут, как на полотнах Сезанна. Это надо было добыть изнутри себя. И без помощи штучек. Никто никогда еще не писал так пейзажей. Это было почти как святыня. Чертовски серьезное дело. Надо было сразиться с самим собой и добиться победы. Заставить себя жить глазами.

И об этом нельзя болтать. Он решил, что будет работать, пока не получится. Может быть, никогда не получится. Но если он даже чуть-чуть приблизится к цели, он это почувствует. Значит, есть работа. Быть может, на всю жизнь.

Писать людей было просто. То, что модно, писать было просто. Примитив в пикну нашей эпохе, небоскреbam и прочему. Каммингс, когда писал модно, мог работать как автомат. Но «Огромная комната» была настоящая книга, одна из великих. Каммингс работал как зверь, чтобы ее написать.

Ну, а кто кроме Каммингса? Молодой Аш? Не без способностей. Но поручиться нельзя. Евреи быстро сдают, хотя начинают сильно. Мак был тоже не без способностей. Дона Стюарта можно было поставить прямо за Каммингсом. Что-то было и в Хэддоксе. Может статься, и в Ринге Ларднере. Может статься — не более того. В стариках вроде Шервуда. В еще более древних, как Драйзер. Ну, а кто там еще? Юнцы. Безвестные гении. Впрочем, таких не бывает.

И никто не искал того, чего он добивался.

Он сейчас видел этих Сезаннов. Портрет у Гертруды Стайн. Она-то почувствует сразу, когда у него получится. И отличные два полотна в Люксембургском музее, на которые он приходил каждый день поглядеть, пока они были на выставке в галерее Бэрнхейма. Солдаты, раздевшиеся перед тем, как купаться, дом сквозь деревья и еще дерево сбоку, нет, не бледно-малиновое, то — на другом полотне. Портрет мальчика. Люди у него получались. Это, впрочем, полегче, он делал их теми же средствами, что и пейзаж. И Ник мог так поступить. С людьми было проще. Никто ничего в них не смыслил. Если казалось толковым, вам верили на слово. И Джойсу верили на слово.

Сейчас он знал точно, как написал бы Сезанн этот кусок реки. Живого его бы сюда, господи, с кистью в руке. Они умирают, вот ведь в чем чертовщина. Работают всю свою жизнь, стареют и умирают.

И Ник, зная точно, как написал бы Сезанн этот кусок реки и соседнюю топь, встал и вошел в воду. Вода была холодна и реальна. Идя по картине, Ник пересек реку вброд. У берега, встав на колени на гравий, он ухватил мешок, где была форель. Он тянул всю дорогу мешок за собой по мелководью. И этот молодчик был жив. Ник развязал мешок, дал форели скользнуть в воду и глядел, как она припустила вперед со спинным плавником наружу и, виляя среди камней, ушла в глубину. «Все равно велика на ужин,— сказал себе Ник,— я наловлю мелочи прямо у лагеря».

Ник вышел на берег, смотал лесу и двинулся сквозь кустарник. Он дожевывал сандвич. Он торопился, и удочка мешала ему. Он ни о чем не думал. Он хранил что-то в памяти. Он хотел возвратиться в лагерь и сесть за работу.

Он шел сквозь кустарник, прижимая к себе удочку. Леса зацепилась за ветку. Ник стал, срезал ветку и снова смотал лесу. Он держал теперь удочку перед собой, так было легче идти сквозь кустарник.

Впереди на тропе он увидел лежащего кролика. Ник нехотя остановился. Кролик едва дышал. В затылок ему за ушами впились два клеща. Клещи были серые, налитые от выпитой крови, величиной с виноградину. Ник отцепил клещей, они шевелили ножками, головки у них были твердые, маленькие. Ник раздавил их ногой на тропе.

Ник приподнял с земли кролика, его тельце обмякло, глаза-пуговицы потускнели. Он сунул его под куст душистого папоротника рядом с тропой. Опуская зверьку на землю, Ник услышал биение его сердца. Кролик тихо лежал под кустом. Может, еще отдышится, подумалось Нику. Наверно, клещи прицепились к нему, когда он дремал в траве. До того плясал на лужайке. Кто знает.

Ник пошел по тропе, направляясь в лагерь. Он что-то хранил в памяти.

